

от обвинений его некоторыми современными учеными в нетерпимости к чужому мнению, хотя именно Плифон провозгласил тезис об уважении прав инакомыслящих на свои убеждения. Ошибка этих ученых, по мнению И. П. Медведева, состоит в том, что они путают суровость философа к нарушителям закона с его якобы имевшей место суровостью к инакомыслящим (с. 101—102). Я считаю, что в данном случае более правы критикуемые автором исследователи. Ниспровергавший христианство философ предусматривал, кажется, меры по насильственному навязыванию обществу своей космогонии и теософии (придав им силу закона), которые он неоднократно сам оценивал как «наилучшие», мыслимые не иначе, как он «изложил»<sup>7</sup>. В своих «Законах» Плифон выразился на этот счет вполне определенно: сожжению заживо, пишет он, подлежат не только преступившие закон, но и «тот из софистов, который, мудрствуя, выступит против этих наших мнений» (с. 204).

Медведев отдавал себе ясный отчет в том, что переводы стихотворных религиозных гимнов богам, сочиненных Плифоном, представляют необычайную трудность. Он оговаривается во вступлении к переводу, что не претендует на адекватную оригиналу художественную форму (с. 172). Тем не менее, к сожалению, нередко редакция переводов гимнов представляется мало удачной.

Среди крупных обобщающих работ по истории поздней Византии, перечисленных автором (с. 12), почему-то не названа книга К. В. Хвостовой, упомянутая лишь однажды во всей монографии (с. 149).

В заключение еще раз подчеркну, что работа И. П. Медведева представляет собой первую и пока наиболее основательную в советской историографии попытку марксистской трактовки чрезвычайно сложной и широкой проблемы византийского гуманизма. Автору не удалось найти для определения этого специфического общественно-культурного явления достаточно точный и адекватный философский термин, что, кстати говоря, не смогли сделать и его предшественники в научной литературе, но он сумел, на мой взгляд, доказать, что изучаемое им явление выражало тенденцию философской и общественно-политической мысли поздней Византии к гуманизму, соответствующую той стадии исторического развития, на которой империя в эту эпоху находилась.

*Г. Г. Литаврин*

**Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 2. Межвузовский научный сборник/Отв. редактор Г. Л. Курбатов. Л., 1978. 143 с.**

Появление межвузовских тематических сборников по истории средних веков — новое и положительное явление в отечественной науке<sup>1</sup>. Их публикация дает возможность сконцентрировать внимание ученых на комплексном решении крупных проблем средневековья, объединяет исследователей разных университетских центров страны, способствует обогащению учебного процесса в вузах.

Ряд статей рецензируемого сборника<sup>2</sup> имеет непосредственное отношение к византиноведению. Сборник открывается работой Г. Л. Курбатова «К проблеме рабства в ранней Византии». В исследовании обобщающего характера автор приводит новые аргументы в пользу концепции о том, что византийское общество IV—V вв. еще в полной мере продолжало оставаться позднеантичным. В качестве основного критерия в определении эволюции этого общества Г. Л. Курбатов выделяет вопрос о рабстве. Считая (так же как А. Р. Корсунский, В. И. Кузицин, Г. Е. Лебедева и др.), что позднеантичному обществу присуще изменение роли рабства в производстве и отношения к нему общества и государства, Г. Л. Курбатов подчеркивает, что, несмотря на все законы об освобождении рабов, главные источники рабства в Византии IV—V вв. не были затронуты, а основная масса рабов еще «воспроизводилась» (с. 4—5). При этом целью ранневизантийского законодательства было не столько прямое использование труда рабов, сколько «прохождение» значительной массы работников через это со-

<sup>7</sup> Там же, с. 204.

<sup>1</sup> См., например: Средневековый город. Саратов, 1968—1978, вып. 1—5; Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973—1975, вып. 1—2; Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974—1976, вып. 1—3.

<sup>2</sup> См. реп. на вып. 1 сборника: СВ, 1975, 39, с. 232—235 (А. Р. Корсунский); ВВ, 1977, 38, с. 171—181 (А. И. Озолин).

стояние, эксплуатация труда «бывших» рабов (с. 5). Роль рабского труда в IV—V вв. значительна прежде всего в массовом мелком производстве ранневизантийского города, где рабовладение было широко распространено среди плебейского населения, поддерживалась заинтересованностью последнего и социальными традициями.

Совсем иначе вопрос о характере рабовладения стоял в эпоху османских завоеваний. Этой теме посвящена статья А. Д. Новичёва. Автор отмечает, что рабство «было одним из важнейших средств, при помощи которого турецкий господствующий класс создавал свое государство» (с. 55). Из многочисленных вопросов, предлагаемых А. Д. Новичёвым для характеристики института рабства в Турции, в работе рассматривается лишь один — источники образования и пополнения контингента рабов (с. 57), вопрос этот освещается на основе большого фактического материала разнообразных источников (турецких, византийских, западноевропейских и славянских). Автор еще раз показал огромные масштабы угона в рабство жителей покоренных османами областей и районов, которые подвергались опустошительным набегам турецких феодалов. Погоня за рабами и работорговля были одним из основных средств обогащения турецкой военно-феодалной верхушки.

Н. И. Девятайкина исследует идейно-политические истоки и ведущие принципы этического учения Аврелия Августина. Указывая на «злободневность и политичность» августиновской теологии и этики (с. 104—105, 113), автор рассматривает элементы религиозно-философской системы Гишонского епископа в связи с глубокими изменениями в социальной и духовной жизни позднеримского общества. Действуя в ситуации глубокого кризиса, в борьбе с многочисленными радикальными еретическими учениями, Августин обосновал положение об абсолютном предопределении, о власти, долготерпении и смирении (с. 108). Критика государства вовсе не означает его отрицания Августином (с. 112). Напротив, даже гармонию нематериального небесного Града Августина строит на принципах «чиноначалия и чиноподчинения» (с. 109—110). Защищая церковную ортодоксию от пелагиан и донатистов, Августин выдвигает учение об исключительной роли церкви как единospасающей силы (с. 111). Н. И. Девятайкина приходит к справедливому (хотя и не высказанному со всей определенностью) суждению, что этическим идеалом Августина становится аскетизм (ср., например, особенно яркие места в «Монологах» I, 14 и II, 19, а также «Исповедь»). В интересном исследовании Н. И. Девятайкиной (его продолжение должно быть опубликовано в третьем выпуске сборника) не обошлось без некоторых преувеличений. Автор утверждает, например, что в конце IV—V в. «стоял вопрос о самом существовании» христианской церкви (с. 108), что Августин «доходит до самого настоящего апофеоза смерти» (с. 109). Не совсем точно и положение о том, что под пером Августина «христианское вероучение окончательно принимает те формы, в которых оно выступает затем на протяжении многих столетий» (с. 109). Помимо того, что некоторые положения Августина, несмотря на его огромный авторитет в теологии, вызывали длительную полемику в католической церкви (например, идея об абсолютном предопределении), вряд ли можно говорить о синтезе христианского вероучения на Востоке — до Иоанна Дамаскина, а на Западе — до Фомы Аквината.

Ряд статей сборника представляет интерес для сравнительно-типологического изучения византийского феодализма. Это прежде всего работы А. Р. Корсунского («Об экономической политике государства раннего средневековья в Западной Европе») и Э. Вернера («Изменения в структуре позднесредневекового общества в свете новейших исследований. На примере Италии»). В частности, А. Р. Корсунский показывает активную роль государства в процессе феодализации в странах Западной Европы. Автор приходит к обоснованным выводам о том, что система государственных налогов и повинностей в раннефеодальный период «играла существенную роль в эксплуатации крестьянства, постепенно превращаясь в централизованную форму феодальной ренты», что особые функции королевской власти «обеспечивали ведущую роль королевского землевладения» в экономике общества (с. 17—18), что поступления от имений фиска являлись главным источником государственных доходов (с. 18).

В заключение отметим, что удачно найденному новому жанру публикаций в сборнике «Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества» соответствует высокий научный уровень всех вошедших в него исследований.

С. П. Карпов